

16+

Торощин Роман

НЕСТИХИ. КНИГА ВТОРАЯ

Роман Владимирович Торошин

Нестихи. Книга вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63352837

SelfPub; 2020

Аннотация

Нестихи. Иначе не назвать. Некие поэтические этюды, созданные без использования рифм (книга вторая).

Роман Торощин

Нестихи. Книга вторая

«ПРЕДИСЛОВИЕ»

Ты когда-нибудь думала, что такое память? Человеческая память? Что это? Это как сила или как расстояние? Как её измерить? Какой линейкой, в каких единицах? В радостных вздохах, в слезинках?

Но точно не в днях или часах, потому что они предательски непостоянны и от природы хрустально хрупки.

Или может в запахах? Ну, одно неизмеряемое мерить другим неизмеряемым, по-моему, логично)))

Мы часто путаем память с сохраненной информацией, это не одно и то же.

Информация – это мозг, память – это душа (или нет такого органа? тогда, о чем я?!)))

Информация не может быть отрицательной – это лишь нули и единицы.

А вот память, проходя через узкие ворота сердца, причудливо окрашивается.

Но порой всепрощающее время выбеляет темные цвета, хотя не всегда удачно. Тогда получаются пятнистые воспоминания, ну или полосатые. Всё зависит от устойчивости душевного пигмента...

В памяти все наизнанку, всё вывернуто центром наружу,

все границы спрятаны внутри, и кругом разноцветный туман.

Можно лишь нащупав в этом фруктовом молоке что-то бесформенное и пульсирующее, пытаться вслепую возводить свои перевернутые пирамиды.

Но таков мир памяти – мир, где из улыбки вырастает радуга, а из радуги, как изумрудные капли краски на промокашке, вырастают луг, перелесок, васильки, облюбовавшие небо, пунктир белой стаи, пронзившей облако... и закинутые за голову руки, и гул шмеля, травинка в углу улыбки, той улыбки, из которой вырастает радуга...

«НЕБО»

Ты невероятна, как эта синева в розовом небе. Глядя на тебя, можно задохнуться. Ты целый мир. Пускай, не мой. Жаль, не мой. Удивительно понятный, неинтересный, но прекрасный. В тебе ветра по расписанию, дождь мокрый, а солнце слепит. И даже бездны неглубоки, но блестят невероятно.

Твои танцы огонь не люблю. Фианиты в твоих раскрытых ладонях не имеют цены ладони твои. Зачем мне эти бусины, зачем тебе моё золото? Мне нечего с тобой делить навсегда.

И поэтому право стрелы, как клеймо калёной любовью, на моём левом плече.

Эти расставания без встреч, эти искры во льду, эти росы глаз – всё это бессмысленно и свербяще, как случайная пуля

в подворотне, рикошет, сбивший птицу, птицу без полета, птицу без гнезда. Лишь опустелые поля порой вспоминают тень её силуэта, скользящего по замерзшему небу...

Хорошо, что снайпер стреляет всегда точно в сердце, второй свинец в ту же рану не приносит боли, пролетая насквозь, экспрессом.

И май, и вечер, и растущая луна души... Все эти боги требуют жертв. Давай им перечить. Давай прощать слабых и топить их в стеклянных глубинах. Давай с улыбкой встречать бессердечных и обращать их в прах ударом обратной стороны цветка.

Мне бы только собрать все свои тени в кулак, стать вновь со стальным взглядом, с алмазным дыханием и обжигающе холодным. Тогда вернутся крылья, и останется далеко внизу та, что впускала синеву на свои розовые луга, та, что растворялась в прибрежной волне, та, что соловьиным эхом затихла меж мраморных колонн и сакуры.

«ЗАПАХ»

Самое для меня загадочное и непознаваемое проявление воспоминаний – это запах. Как его описать? Ведь сирень для каждого пахнет по-своему, тем более в прошлом. Запах памяти – это хитросплетение светотеней и лопнувших мгновений, и душа колышется на этом сквозняке от неприкрытой двери в былое. Каждый человек, который живет у нас в сердце, состоит из милых мелочей, он, как пазл, складывается из

фотографического полуоборота с прядью волос, лёгшей по ветру на лицо, из смеха, из цветочного куста, по которому только что прошла ладонь, из силуэта, сливающегося с сумерками. Когда мне нужно собрать твой пазл, я в первую руку беру тот вечер без названия и даты, где-то на закате прошлого века в каком-то уже неважном году. Была зима, хотя в душе был март. Мы (кто «мы» – не помню, просто «мы», ну если хочешь – «детство»), итак, мы сидели у тебя в комнате при свечах и слушали музыку... пока я пишу это, память начинает подбрасывать мне пыльные детали, которые давно лежали нетронутыми на мнемоническом складе... это были маленькие колонки, они подключались к плееру... вот только цвет не разберу... не красный ли? Мы сидели молча и слушали. Чуть позже в «Утренней почте» Николаев рассказал, что в этой песне поётся о том, что «ты уже не та маленькая девочка, время идёт...». Помнишь, он перед иностранной песней всегда рассказывал краткое содержание, чем портил магнитофонную запись... так вот, мы сидели и слушали... я сейчас понимаю, почему мы так беззвучно и бесшумно сидели – мы впитывали тот вечер, забирали его с собой в будущее... но я никак не могу воспроизвести в памяти запах, запах твоей комнаты, запах первых чувств... мне кажется, что этот запах, как пароль ко всему детству, он как недостающая деталь в часовом механизме, стоит его добавить, и где-то в глубине коробки что-то затикает, заскрипит и медленно, но уверенно раскроется шкатулка, и заиграет музыка, и

закружится балерина, и детство уже никогда не покинет меня, всегда будет под рукой, как старый, пушистый кот. Хотя, может в этой незавершенности картины прошлого и есть её ценность. А ценность эта заключается в том, что каждый раз, когда Мнемозина поманит нас забытым штрихом, по душе пробегают мурашки, это значит, душа ещё жива!

Не исчезай! Ты единственное доказательство моего мушкетерского детства!

«БАШНЯ»

А если это не выход?

А если выхода нет?

А если все надежды на панацею, как туман утренний?

Он не рассеется, он поднимется вверх и станет беспроблемным низким летящим небом над головой.

Вот это и есть отчаяние – когда боишься открыть глаза и увидеть, что кругом ни одного солнечного блика, лишь неподвижные серые пятна на серых стенах... и ты уже никогда не проснёшься, улыбаясь.

Можно лишь перетерпеть эту боль и стать прозрачным в бесцветном мире – стать неотличимым...

И бежать...

Бежать на край света, на край серого цвета.

И там, на разрушенной башне, на самой её вершине, над которой пролетают ключья облаков, безнадежно раскинув руки, беззвучно выть...

и слезы высыхают, не успев упасть, и высыхает безутешное тело...

и прах к праху льнёт, льнёт с последней надеждой, которая колышется миражем за той гранью, где каждое устремление достигает своего нуля.

«НОЧНОЙ ПОЛЁТ»

На пересечении музыки и книги рождается особое томление души.

Когда слова ложатся на нотный стан, а мелодия витиеватым предложением звучит с печатной страницы.

Ближе к полночи, когда мир затихает, и лишь внутренние ходики гулко тикают в ушах, в глубине что-то начинает шевелиться, перетекая из формы в цвет и обратно.

Первыми в эту игру вступают переломленные тени и шест невидимых авто, развозящих по ночным проулкам сновидения.

Как будто на маленькой сцене в парижском клубе творит свою джазмагию Жак Люсье – сначала щеточками по барабану, как гребнем по длинным волосам...

Потом вступает контрабас... это за окном мерно засветила холодная луна и внезапно синкопой сверкнула на глянцевой обложке отложенной книги.

Зал замер, зал ждёт маэстро... Прожектор, прозрев, мягко раздвинул темноту над роялем, длинные пальцы поставили на черную лакированную крышку бокал с пригубленным

коньяком. . .

взмах толи крыла, толи руки и пролились первые ноты. И потекли «Времена года» с аллюзиями, с мечтаниями, со своими ветрами и закатами. . .

Это заиграла память. Память, она же может жить по обе стороны вдоха.

Бывает память воспоминаний, а бывает память грёз.

В первом случае мы сотрудничаем со временем, а во втором – мы им управляем.

К примеру, мы можем с особой русской негой, будто морозным вечером в открытых санях, укутавшись с богатым тулуп, понукать – «Эй, возница, притормози, дай послушать, как падает снег. . .».

Или запустить мгновения в беличье колесо и бесконечно наслаждаться ароматом чая тенистым июлем на поскрипывающей веранде.

Мы можем вспоминать наши несбывшиеся мечты. И от этого придавая им временную прописку на временнЫх территориях наших поселений.

В этих трещинах между секундами способна поместиться целая жизнь. И скромно, не афишируя своей всемогущности, мы стоим чуть в стороне, как молодые боги, тихо улыбаясь сотворенному. . .

Поймите же, эта ночь – наша собственность. Это индивидуальная ночь. Не трогайте наши темные часы. Наступит свет и наступит ваша власть. Но сейчас – приватное время.

Не обижайтесь.

И не подсматривайте. Да, я без одежд не узнаваем. Я чуть выше и худощавее, и эти мокрые перья, что остались на спине, поредели... это раньше они горделиво сверкали на солнце...

Но мне хватит моих крылатых сил, чтобы одиноко парить этой ночью над спящим городом. Одиноко. Не бойтесь этого слова и не вините за него.

Одиноко – это не значит «без вас», это значит – «свободно». И нет печали в том полёте, ибо истинное одиночество живет на горных вершинах, где любая влага, даже слёзы, поднимаются вверх, и облаками уплывают туда, где ждут тени в жаркий полдень...

как ждут спасительных ночных часов демиурги кучевой облачности.

«НАШ ЛЕС»

Выявить шпиона очень просто. Он ничего не знает про лес. Про наш лес.

Лес – ведь это не флористическое явление, это, скорее, время. Это время года, суток, жизни, в конце концов.

Никогда наш лес не был зимним дневным. Мороз и солнце – это 7 класс, урок физкультуры. Неровное дыхание, кристаллами замерзшее на воротнике свитера, потерянная шапка, предательский провал лыжни, протоптанный каким-то вредителем, и нелепый пингвиний бег по обледенелой доро-

ге, там, где небожители применяли коньковый ход.

Наш лес всегда имел тень или темноту с «провалом дышащих шахт», которые рифмовались со словом «такт». Да, у нас был единый такт. Мы были гениальны в своём лесу. Квантовая физика упрощала наши споры, подводя единый знаменатель, а сочиненный мотив мог служить аргументом в отстаивании ничейной точки зрения.

Наш лес умел заплетать тропинки каждый раз заново. Он, готовясь к встрече, двигал столбы и перепрятывал поляны. Шарадил, как умел.

Наш лес, как виртуозный осветитель, затемнял наши лица.

Его брильянты были чёрны. Переливая ночь с грани на грань, он пульсировал чернотой в темноте. Но как же наш путь был светел.

И сейчас, сквозь стекло, всматриваясь в уплывающие силуэты мыслей и ветвей, я ясно осознаю, что гениальность, это не сумма талантов, это просто понимание того, что весь мир можно уместить в одну ноту. Кто-то ищет эту ноту, и получается Битлз. Мы же, шутя, жонглировали целыми партитурами, не желая ни славы, ни успеха, не желая даже знать, что это такое. Ценность имел лишь тот миг, когда мы почувствовали скорость падения Земли в ледяной пустоте звездного одиночества...

«ПУХ»

Индустриальные облака над моим городом, и даже в них скрыт какой-то секрет, простой и всеответный. Но пух предательски хрустит под ногами, и перепуганные границы становятся тверже.

Ждать – чего? Ждать нечего. Ждет лишь пустота...

Полёт до первой кромки облаков, полёт до середины потока и назад. Не отведав яблок twосторонних, не примяв травы, что зеленее, не сжав в ладони искристый песок, выйдя из пенной волны. Только в глазах отражение, только в глазах...

И продолжать жить в пол-оборота, ловя каждое колыхание воздуха, угадывая полупрозрачный аромат среди грязной палитры толпы. Может это просто слепое желание выдать сердечную боль за душевную боль? Но что за природа этого тумана на глазах, который укрывает все углы и трещины? Кто тот тайный художник, что рисует струящийся образ на медленных гранях бриллианта?

Всё будет весело и больно, и нестерпимо одиноко по дороге меж огней. Теперь я знаю, что чувствует фантом, тот, кто исчезает, лишь стоит отвести взгляд.

Но кто первый из нас дрогнет – не важно. Кто-то дрогнет. И эта трещина на двоих. Улыбчивый нож знает, как рассмешить плоть... Но лишь бы не было стыдно. И пусть будет грустно, но не горько.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.